

Особенности воплощения авторского сознания в творчестве И. Бродского

Фельдман Дарина Марковна

Аспирантка Самарского государственного университета, Самара, Россия

Произведения И. Бродского отличает сложная сюжетная организация, не позволяющая говорить только о традиционных для лирики способах воплощения авторского сознания. Для многих текстов Бродского характерна контаминация сюжетных моделей, свойственных как лирике, так и эпическим и драматическим произведениям. Следствием этого становится резкое усложнение субъектной структуры произведений: в них возникает целая система разных «голосов», простая сумма которых не дает искомого авторского «голоса». В этом смысле можно говорить об изменении характера авторского присутствия в лирике: автор здесь предстает не как непосредственно явленный в тексте субъект речи, а скорее как некий структурный аналог концепированного автора.

В связи с этим проблема воплощения авторского сознания в поэзии Бродского должна осмысляться как проблема реализации авторского лирического монологического высказывания в диалогической форме, т. е. с помощью диалогических повествовательных и драматических сюжетов. При этом в поэзии Бродского не существует единой, раз и навсегда избранной модели субъектной организации текста. Возникающий в текстах диалогизм оказывается многофункциональным, и именно его функции в каждом конкретном случае и определяют отношение между монологическим и диалогическим началом в произведении.

Диалогизм, служащий воплощению целостного авторского сознания, в произведениях Бродского выступает как минимум в двух своих формах, которые условно можно назвать «мнимым» и «истинным» диалогизмом. В первом случае перед нами текст, формально организованный как драматическое произведение. При ближайшем рассмотрении, впрочем, выясняется, что в подобном тексте все реплики и монологи принадлежат одному лирическому субъекту, а не разным, образуя некий «квазидialog», особую риторическую фигуру.

«Истинный» же диалогизм возникает в произведениях Бродского чаще всего тогда, когда в высказывании, оформленном как монолог, принадлежащий одному-единственному субъекту, проявляется «чужая» речь, начинает звучать несколько различных «голосов» (нечто, аналогичное явлению несобственно-прямой речи, в большей степени характерному для повествовательных текстов).

И в том, и в другом случае перед нами единый для Бродского принцип субъектной организации, основанный на противоречии между формальным, «видимым» строением текста и реальным количеством «голосов».

Примером первой модели построения субъектной системы, условно определяемой как «мнимый» диалогизм, могут служить практически все поэмы и многие «большие стихотворения» Бродского, как, например, «Шествие», «Горбунов и Горчаков», отчасти «Большая элегия Джону Донну» и др. Скажем, поэма «Горбунов и Горчаков», построенная как череда диалогов и монологов двух персонажей, изобилует эпизодами, нарушающими драматическую субъектную организацию. И наиболее резко нарушают ее именно те эпизоды, в которых обыкновенно разделенные как стилистически, так и логически голоса персонажей сливаются. В этом случае стихи свободно можно прочесть без кавычек, отделяющих одну реплику от другой: смысловая целостность текста при этом несколько не страдает. Иными словами, в таких эпизодах, формально драматизированных, реально присутствует монолог «вышестоящего» лирического субъекта, т. е. самого автора.

Глубинный же, «истинный» диалогический потенциал несут в себе, например, те стихотворения Бродского, в которых автор активно использует повествовательные сюжеты. В качестве иллюстрации можно привести стихотворение «Дидона и Эней». Это стихотворение отличается, на первый взгляд, «беспримесностью» повествовательности.

Однако при всей кажущейся целостности повествования субъектная организация текста здесь выходит за пределы монологического высказывания. Это достигается благодаря приему, довольно частому в эпической прозе, но нехарактерному для лирики, – приему несобственно-прямой речи. С его помощью в речь, формально приписанную «повествователю», включаются слова других субъектов.

Подобное «многоголосие» – неперемнное свойство художественного мира Бродского. При этом многосубъектность, очевидно, важна не сама по себе, а важна, будучи результатом особого построения речи, как способ расширения возможностей лирики как таковой: происходит дробление монологического авторского голоса на несколько других голосов, сводящихся затем на уровне целостного сюжета «обратно» к монологическому высказыванию единого лирического субъекта. Иначе говоря, полифония в текстах Бродского становится скорее характеристикой творимой автором многомерной художественной реальности, но не характеристикой авторской речи о ней.

Таким образом, разрешение противоречия между диалогической моделью организации текста и принципиальной монологичностью и цельностью авторского сознания связано с различными функциями самого диалогизма. Если в тексте возникает диалог в качестве особой риторической фигуры, служащей для усиления суггестивности авторского высказывания, то монологизм авторского высказывания вообще не ставится под сомнение. Если же диалог или другие формы включения «чужой» речи в текст произведения (несобственно-прямая речь, интертекстуальность и проч.) выступают как способы создания полифонического высказывания, то они характеризуют при этом саму творимую в слове художественную модель мира, со всей ее многослойностью и многомерностью, но не авторское высказывание об этой модели мира как таковое. В обоих случаях авторское лирическое сознание, реализующееся на уровне всего произведения как сложно организованной целостности, остается монологическим.

Иными словами, диалогизм выступает как способ воплощения целостного авторского лирического сознания, которое воспринимается читателем не как простая сумма голосов персонажей или не как рассказ о событиях, а как нечто большее, рождающееся на пересечении всех голосов, всех смысловых пластов и всех родовых моделей.